

УДК 323.2

Получено 09.02.2018 Одобрено 22.02.2018 Опубликовано 05.04.2018

Омельченко Н.А.д-р. ист. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный Университет
Управления», г. Москва

e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

**«Русский этатизм» и «русский
нигилизм» в политическом процессе
России конца XIX – начала XX вв.****Аннотация**

Статья посвящена научному осмыслению традиционных основ российской политической культуры и их влияния на формирование национальных особенностей политических отношений, политического транзита и российского политического процесса в целом. Автор статьи не ограничивается характеристикой основных фундаментальных особенностей российской политической культуры, на протяжении длительного периода времени определявших основной вектор общественного развития в России, и тех существующих в науке основных подходов и точек зрения на природу и причины, их сформировавших. В статье дана лишь общая оценка факторов, обусловивших специфику государственно-политического развития России. К наиболее важным из них наряду с «антикапиталистической» и антисобственнической ментальностью русских людей, государственным патернализмом и сакрализацией верховной власти, автор статьи относит ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни общества (этатизм) и связанное с этой фундаментальной особенностью политического процесса формирование особого национального «профиля» публичной политики, ограничивавшего возможности развития в стране гражданского общества со всеми его атрибутами и характеристиками. Основной задачей научной публикации автор поставил исследование истоков, сущности и характера взаимосвязей русского этатизма и политического радикализма, длительное время являвшихся двумя базовыми характеристиками российской политической традиции. В статье обосновывается мысль о том, что и русский этатизм, как традиционная основа российской политической культуры, и русский нигилизм были исторически и объективно взаимообусловлены и связаны между собой, дополняли друг друга и, являясь миросозерцанием русской власти, в конечном счете, выражали характерное для российской политической и интеллектуальной элиты нигилистическое отношение к сложным проявлениям реальной жизни, склонность к простым обобщениям и схемам, догматизм в построении своих идеалов. Именно в этом во многом, по мнению автора статьи, кроются причины крушения исторической России в 1917 г., приведшие к разрушению исторической государственности.

Ключевые слова:

русская политическая культура, национальный профиль публичной политики, русский этатизм, патернализм, «сдерживающая» модель государства, московское самодержавие, народный монархизм, государственный максимализм, вотчинный тип правления, политический нигилизм.

Omelchenko N.A.Doctor of Historical Sciences,
State University of Management,
Moscow

e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

**«Russian statism» and «Russian
nihilism» in Russia's political process
of the late XIX – early XX centuries****Abstract**

The article is devoted to the study of traditional foundations of Russian political culture and their influence on formation of national characteristics of political relations, political transit and political process as a whole. The author gives a description of the basic fundamental features of Russian political culture that for a long period of time determined the main vector of social development in Russia, as well as approaches to, and points of view on the nature and reasons for their formation existing in Russian scholarship. The article gives an overall assessment of the factors behind the specifics of state and political development of Russia. Among these are: «anticapitalist» and «antiproprietary» mentality of Russian people, state paternalism, sacralization of power. But the most important factor is the leading role of the state in regulating political and social life of the society (statism). This fundamental peculiarity of the political process in Russia accounts for a specific national «profile» of public policy which delimits the possibility of development in the country of civil society with its attributes and characteristics. The main task of the author is the study of origins, nature and character of the relationship between Russian statism and political radicalism that for a long time were two basic features of the Russian political tradition. The article substantiates the idea that Russian statism, as a traditional basis of Russian political culture, and Russian nihilism were historically and objectively interconnected and interdependent. They complemented each other and formed the Russian authorities' world outlook accounting for a nihilistic attitude to complex manifestations of real life, a bias for simplified generalizations and schemes, dogmatism in building their ideals characteristic for Russian political and intellectual elite. The author maintains that this, among other things, was the reason for the breakdown of Russia in 1917 that led to the collapse of historical statism.

Keywords:

russian political culture, national profile of public policy, Russian statism, paternalism, "restraining" model of the state, Moscow autocracy, people's monarchism, patrimonial rule, political nihilism.

© The Author(s), 2018 This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Сегодня исторически очевидна та огромная роль, которую играют в жизни любого общества, общественных групп и индивидов национальные традиции и политическая культура общества, свойственные тому или иному народу особенности национального характера, властных отношений и политических предпочтений.

Хотя, как известно, категорию «политическая культура общества» нельзя отнести к институциональной сфере жизни того или иного социума - во всех общественных системах она представляет собой внеинституциональный аспект политической жизни – однако именно в рамках политической культуры общества формируются основные регуляторы политического поведения граждан, тип и характер отношений власти и подчинения.

В любом случае при анализе основных тенденций общественной эволюции, трендов общественно-политического развития государств и народов очень важно учитывать национальные особенности политической культуры, которая, без сомнения, представляет собой качественную, интегративную характеристику жизни общества, его политической системы, оказывая огромное влияние на становление и эволюцию государственно-политических отношений, моделей демократии и политического процесса в целом.

Так, общий устойчивый тренд в сторону демократического развития, со временем составивший характерную черту развития ряда стран Западной Европы, был логическим продолжением сформировавшихся задолго до утверждения идей политической демократии, принципов экономического и политического либерализма, обосновывавших экономические и политические свободы в развитии большинства западных обществ.

На совершенно иной социальной и культурной матрице формировались основные черты русской ментальности: русские изначально придерживались «антикапиталистической» ментальности, они традиционно по преимуществу не возводили частную собственность в ранг «священных принципов» (для русского человека идеалом была не богатая, а «святая Русь»).

Принято выделять ряд фундаментальных особенностей российской политической культуры, которые в совокупности определяли вектор всего общественного развития. К основным из них обычно относят присущие социокультурному контексту национально-государственного развития России ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни (этатизм) и государствоцентричность, в перспективе существенно ограничивавшие сферу публичной политики и возможности формирования гражданского общества.

Принадлежностью русской политической культуры стали обусловленные природно-климатическими условиями патерналистские черты широких народных масс, а также связанная с укоренившейся в массовом сознании сакрализацией верховной власти устойчивая вера в высшую справедливость державного правителя, царской милости. В конечном счете, как нам уже приходилось говорить, все это создавало предпосылки формирования особого национального «профиля» публичной политики на Руси и в России, которые, как показывает весь ход исторического развития, заключались в безусловном примате внутренних, политико-культурных и психологических аспектов легитимности власти над внешними формами политического участия [3]. Можно утверждать, что и сегодня для массового сознания в России во многом характерна ориентация не на гражданское общество, а на идеальную власть.

Отчасти эти черты отечественной политической культуры были сформированы историческими условиями становления и развития российской государственности и определялись геополитическим типом развития российского общества, объясняющим некоторые особенности формирования и развития российской государственности. К числу основных характеристик такого типа развития обычно относят влияние больших континентальных пространств на создание транспортной, коммуникационной и управленческой инфраструктур, равно как и зависимость слабости или силы геополитического субъекта от размеров контролируемого им пространства. В условиях России это обусловило «колонизаторский» характер общественного развития, связанный с постоянным расширением и освоением новых земель на обширных территориях, на которых формировалось древнерусское государство.

Во многом именно эти объективные условия «месторазвития» (по терминологии евразийцев) сформировали в России особую «сдерживающую» модель государства, которое вынуждено было не только обустроить это огромное континентальное пространство, что изначально (с момента формирования Московского царства и образования Российской империи) предопределило особую модель власти, ориентированной на использование по преимуществу насильственных методов управления, но и блокировать дезорганизующие, анархические силы, внешне выражавшиеся в различных проявлениях русской смуты. Здесь мы полностью разделяем точку зрения современных исследователей, согласно которой особенности общественно-политического развития России, ее цивилизационной составляющей не могут быть обоснованы только полиэтничностью,

поликонфессиональностью развития русского общества. Их следует искать «в сочетании распыленности этносов с компактностью их проживания, в отсутствии естественных границ, на которых можно было бы закрепиться». [9, с. 94]

С другой стороны, отсутствие в России традиций и института частной собственности, отчасти обусловленное географическим фактором («земли много, людей мало») создавало благоприятные условия для произвола власти в российском обществе. Перефразируя наблюдение выдающегося русского историка В. О. Ключевского, можно утверждать, что фундаментальной особенностью России, отличавшей ее от многих стран Европы, являлось то, что в основе способа производства в нашей стране в течение многих веков лежали проблемы власти, а не проблемы собственности, а сама собственность являлась продолжением и функцией власти (собственность находилась у того, кто реально обладал и контролировал власть).

Согласно распространенной точке зрения, в значительной мере отмеченные особенности исторического развития России объяснялись длительной зависимостью средневековой Руси от Золотой Орды, надолго изолировавшей страну от западных принципов жизни и воспитавшей в сознании русской власти характерные для кочевой цивилизации административный произвол и деспотические формы властвования, потенциально вытекавшие из преобладания государственной собственности («монгольского права на землю») и неизбежно порождавшие изощренные формы взяточничества и казнокрадства, попрания прав личности. На этом основании некоторые авторы не без основания склонны были считать Московскую Русь «православным ханством», заложившим основы развития в России неограниченной самодержавной монархии и во многом обусловившим, как считал Г. П. Федотов, деспотический характер управления пришедших к власти в октябре 1917 г. большевиков, по большей части восстановивших монгольский принцип государственной собственности на землю, перенявших многое из московских методов властвования и часто апеллировавших к ним (как пример, обычно ссылаются на «особое» отношение Сталина к правлению Ивана Грозного) [7].

По нашему глубокому убеждению, при всей оригинальности приведенной трактовки русского исторического процесса было бы ошибочным объяснять характер политического развития России влиянием исключительно внешних факторов и, в частности, влиянием политических традиций и порядков Золотой Орды.

На этот счет есть два возражения. Прежде всего, очень важно иметь в виду, что даже после разрушительных

монгольских завоеваний и не прекращавшихся попыток путем постоянных набегов и «перетряски» русской правящей элиты подчинить русские земли власти золотоордынских ханов, что не могло не привести к временной изоляции страны от западного христианского и культурного мира, русское государство не перестало быть христианским государством, всегда считало себя неотъемлемой частью и восточной окраиной Европы. Отдельного разговора требует вопрос о политическом значении принятия древней Русью христианства в его восточном православном варианте, и не только потому, что принятие христианства послужило главным инструментом создания древнерусского государства, значительно ускорив процесс консолидации древнерусского общества. Важно отметить, что в отличие от более поздних заимствований петровской эпохи принятие древней Русью православного христианства положило начало длительному каноническому, а отчасти и политическому общению древней Руси с Византией, что в свою очередь не могло не придать русской цивилизации ряд стилевых особенностей и среди прочего в части политического и государственного развития. Оно не только оказало решающее влияние на формирование и эволюцию государственной парадигмы и самой государственной власти у восточных славян, но и в значительной мере способствовало утверждению уникального типа социальных связей в русском обществе, отличавших его от всех остальных.

С другой стороны, мы абсолютно убеждены, что для понимания специфики политического развития России нельзя не учитывать проблемы формирования институциональных оснований политики и власти в российском обществе. С нашей точки зрения, это один из наиболее актуальных и методологически важных вопросов, которые ждут еще своего внимательного исследователя, нуждаются в глубоком изучении. В первую очередь речь в нашем случае должна идти о выяснении и объективном анализе причин институциональной неопределенности как имманентной черты российской государственности, приводящей к дисфункциям власти, которые в России, как правило, всегда снимались и снимаются посредством использования ресурсов авторитарного или полуавторитарного («персоналистского») режима. Исторические факты свидетельствуют, что в России в силу неразвитости институциональных оснований политики, в отличие от многих других государств, место институтов традиционно занимают «неформальные отношения», различного рода «персоналистские сети», «теневые практики». Применительно к московскому государству слабость институциональных оснований политики можно

наблюдать в несамостоятельности русской аристократии (боярства), неразвитости сословий и слабости русских городов (среднего класса), которые в Европе являлись реальной оппозицией центральной власти, не давали ей превратиться в деспотический произвол и тиранию. Так, русские сословия, в отличие от многих стран Европы, формировались самим государством как служилые сословия и отличались друг от друга, по известному выражению, не столько правами, сколько повинностями.

К сказанному следует добавить то обстоятельство, что в различные исторические эпохи для политической элиты России был свойственен тип правления, который может быть охарактеризован как «вотчинный», который, по наблюдению ученых, изначально вступавший в противоречие с идеей национально-церковного союза и проповедуемой московской властью идеологии Московского государства как «святой Руси» и «последнего православного царства». Этот тип правления коренился в вотчинной психологии московских государей, привыкших управлять страной с помощью и при посредстве бывших вотчинников, военных слуг, рассматривавших государство и ее народ как свою собственность, что создавало благодатную почву для произвола, бесконтрольности и безответственности представителей власти как ключевой проблемы российской политики на протяжении всей русской истории.

Все это придавало формируемому Московскому царству характер восточного абсолютизма, воплощенного в национальной форме самодержавной монархии. Уже в правление Ивана IV дает о себе знать тот «этатистский соблазн», который будет преследовать Русскую власть на протяжении всей дальнейшей политической истории России.

Справедливости ради надо заметить, что вотчинная психология не являлась принадлежностью всех русских монархов без исключения. И Петру Великому, и Екатерине Великой были присущи, кроме прочего, государственное сознание, понимание важности утверждения величия России и ее мирового значения, что, однако, не снимало проблему преобладания авторитарных методов властвования в политической жизни российского общества, живучести и воспроизводства традиций всевластия и бесконтрольности власть имущих, неизбежно сопровождавшихся усилением отчуждения власти от общества, ростом недоверия общества к власти.

Возвращаясь к проблеме московского самодержавия, важно отметить, что в нашей научной литературе пока что не уделяется необходимого внимания анализу и осмыслению исторического значения и последствий того непреложного факта, что про-

изошедший в середине XVI в. «политический трансферт» центральной власти в сторону незнакомого для Древней Руси неограниченного самовластия царя (единодержавия), хронологически совпал с начавшимся процессом превращения России в империю во второй половине XVI – XVII вв. в ходе включения в ее состав новых территорий (прежде всего, Казанского и Астраханского ханств), превращавшего Московское царство в полиэтничное и поликонфессиональное государство [4, с. 47].

Следует, однако, иметь в виду, что русская самодержавная монархия в течение нескольких веков находила поддержку в широких народных массах, разделявших в духе восточно-языческого монархизма убеждение о подобии порядка небесного и порядка земного. Как это превосходно показал в своем труде «Русский народ и государство» один из видных представителей русской послеоктябрьской эмиграции Н. Н. Алексеев, примером сказанному могут служить многочисленные народные пословицы, буквально воспроизводившие в точном соответствии с языческими образцами теорию самодержавной монархии («Лучше грозный царь, чем семибоярщина», «Грозное царствие лучше междуцарствия», «Бог на небе, царь на земле», «Без Бога свет не стоит, без царя земля не строится») [1].

Дальнейшие события, связанные с укреплением абсолютной монархии в России, оказали решающее влияние на традиционную психологию и монархическое сознание русского народа, которое изначально не являлось точной копией официально признанной московским правительством иосифлянкой теории московского самодержавия. Обожествляя монархию как институт, как символ веры, русский народ достаточно критически оценивал ее практическое воплощение, не прощая отступничества государства от народного идеала («До Бога высоко, до Царя далеко», «Не ведает царь, что делает псарь», «Царские милости сквозь боярское сито сеются», «Судьям полезно, что им в карман полезло»). Со временем в сознании народа возникает смутное разочарование в подлинности московской самодержавной монархии как «последнего православного царства», что в перспективе создавало основания для резкой социальной критики религиозно обоснованного государства.

Дальнейшие изменения в монархическом сознании народа и разочарование широких народных масс в справедливости верховной власти относят ко времени петровской реформации, в результате которой русский народ, по словам Г. П. Федотова, «перестал понимать свое государство» [7, с. 129]. По мнению исследователей, одну из главных причин такого развития народных

представлений о власти предрержащих следует искать в самом характере произведенных политических и административных реформ Петра I, чей «государственный максимализм» в своей основе отрицал базовую христианскую идею духовного суверенитета и самоценного значения человеческой личности. Все это не могло не отразиться на сознании русского народа, который все чаще стал воспринимать государственную власть как чужую власть («немецину»), державшуюся в отличие от Московского царства, когда власть «советовалась с народом», на голом принуждении и насилии.

И здесь мы выходим на вторую не менее значимую особенность русской ментальности — русский нигилизм. В сущности, и русский этатизм как традиционная основа российской политической культуры, и русский нигилизм были явлениями одного порядка, имели один социальный корень. Уникальность русской политики, писал один из крупных русских философов С. Л. Франк, заключалась в том, что «в силу своеобразия исторического и культурного развития общества деспотизм и анархия шли в России всегда бок о бок, составляя роковое для страны «двуединство». Оба они имманентно выражали собой все тот же русский нигилизм, нигилистическое отношение к сложным проявлениям реальной жизни, взаимопроникали и взаимодополняли друг друга» [8, с. 305].

В этом видел русский философ основную причину крушения исторической России в 1917 г. и этим же, по его мнению, объяснялись многие неудачи русского освободительного движения в конце XIX — начале XX в. Если роковой конец старого порядка, заключал автор, «во многом определен был тем, что он связал идею консерватизма с нигилистическим деспотизмом и насильничеством», то точно так же «роковая судьба русского освободительного движения состояла в том, что исторически назревшая и по существу правомерная потребность русского общества и народа в духовной самостоятельности и автономности слилась в ней с бунтарской стихией нигилизма» [8, с. 306].

Те же мысли мы находим и у другого русского политика и мыслителя П. Б. Струве. По его мнению, одну из главных причин «особо разрушительного хода русской революции 1917 г.» следует искать в длительном отчуждении от участия в политическом процессе основных общественных сил российского общества, которые «не были вовремя в надлежащей постепенности» привлечены к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти» [5, с.26–27]. Отстраненные русским самодержавием, ревниво оберегавшим свои автократические прерогативы, от государственности, собственности и правосоз-

нания, они оказались чуждыми идеям нации и государства. С одной стороны, это не воспитало у широких народных масс уважения к свободе и собственности, как основанию и предпосылке свободы. С другой стороны, это не могло также воспитать у образованных классов, отчужденных от государства, должного отрицательного отношения к своеволию власти, нарушению прав и свобод личности, попранию прав собственности [3].

Именно в сложной комбинации отчужденных на протяжении многих веков от собственности и государства двух основных слоев русского общества — народных масс и образованной элиты, по мысли П. Б. Струве, крылась основная причина, создавшая «ту духовную атмосферу, в которой протекала русская революция» [6, с. 109].

Очень точно эти особенности мирозерцания основных слоев русского общества описал Н. А. Бердяев, заметивший в одной из своих статей, что русская интеллигенция, несмотря на ее поверхностное западничество, была «чисто русской в своей безгосударственности» и что русских либералов следует считать «скорее гуманистами, чем государственниками». Все они, отмечал философ, «боялись власти как «грязного дела», хотели, как и большинство народа, не столько свободного государства, сколько свободы от государства». Люди государственного ума, «подобные М. Н. Каткову и Б. Н. Чичерину» [2, с. 15], казались им нерусскими, так же как иностранной, нерусской казалась русскому народу российская бюрократия.

Главным виновником этой трагедии, была, по мнению П. Б. Струве, самодержавная монархия, долгое время не желавшая поступиться своей неограниченной властью, блокировавшая назревшие политические и социальные реформы и ошибочно принимавшая традиционное отставание России от других стран за ее преимущества. Нельзя не согласиться с этим утверждением русского политического мыслителя. События начала XX в. наглядно подтвердили насколько велика была в России потребность в левой альтернативе, прежде всего, на социальном и экономическом уровнях. С другой стороны, совершенно очевидно, что трагическому развитию событий не в меньшей мере способствовали и ненормальности и изъяны в идейном развитии русского образованного слоя, в том числе и в первую очередь в мировоззрении и общественных настроениях русской интеллигенции, радикализм и максимализм целей которой неизбежно порождал максимализм средств, утопизм и беспочвенность, догматизм в построении общественных идеалов, отрицание сложностей жизни.

Библиографический список

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М.: Аграф, 2003. — 640 с.
2. Бердяев Н. А. Русская душа // Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 416 с.
3. Омельченко Н. А. Русская модель государственного управления (в поисках общественного идеала) // Отечественные традиции государственного управления и современность: материалы научно-общественного Новгородского форума / Государственный университет управления. — М.: ГУУ, 2017. — 118 с.
4. Струве П. Б. Клич к освобождению Реакция под личиной революции // Россия и славянство. — 1932. — 1 декабря.
5. Струве П. Б. Размышления о русской революции. София: [б. и.], 1921. — 34 с.
6. Струве П. Б. Россия // Русская мысль. — Прага. — 1922. — Кн. III.
7. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. — СПб.: София, 1991. — 954 с.
8. Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. — 1922. — Прага. — Кн. I–II.
9. Шаповалов В. Ф. Как понять Россию? (Этюды о российской идентичности) // Общественные науки и современность. — 1996. — № 1.

References

1. Alekseev N. N. Russkii narod i gosudarstvo [*Russian People and the State*]. M.: Agraf Publ., 2003. 640 p.
2. Berdiaev N. A. Russkaya dusha [*Russian Soul*] // Berdiaev N. A. Sud'ba Rossii [*Fate of Russia*]. M.: Eksmo Publ., 2007. — 416 p.
3. Omelchenko N. A. Russkaya model' gosudarstvennogo upravlenija (v poiskah obshestvennogo ideala [*Russian Model of Public Administration (In Search of Public Ideal)*] // Otechestvennie traditsii gosudarstvennogo upravlenija i sovremennost': materialy nauchno-obshestvennogo Novgorodskogo foruma [*National Traditions of Public Administration and Modernity: Studies of Scientific and Public Novgorod Forum*] / Gosudarstvenni universitet upravlenija [*State University of Management*]. — M.: GUU Publ., 2017. 118 p.
4. Stroove P. B. Klitch k osvobozhdeniju. Reaktsija pod lichinoi revolutsii [*Call for Freedom. Reaction under the Guise of Revolution*] // Rossija i slavjanstvo [Russia and Slavdom], 1932, 1 dekabria.
5. Stroove P. B. Razmishlenija o russkoi revolutsii [*Reflections on Russian Revolution*]. Sofia, 1921. — 34 p.
6. Stroove P. B. Rossia [*Russia*] // Russkaya misl' [*Russian Thought*], 1922. Book III.
7. Fedotov G. P. Sud'ba i grehi Rossii. Izbrannie stat'i po filosofii russkoi istorii i kulturi [*Fate and Sins of Russia. Selected Articles on Russian History and Culture Philosophy*]: In 2 vv. V. 1 SPB, 1993. 954 p.
8. Frank S. L. Iz razmishlenii o russkoi revolutsii [*From Reflections on Russian Revolution*] // Russkaya misl' [*Russian Thought*]. Prague, 1922. Books I–II.
9. Shapovalov V. F. Kak ponyat' Rossiju? (Etudi o russkoi identichnosti) [*How to understand Russia? (Studies on Russian Identity)*] // Obshestvennie nauki i sovremennost' [*Social Sciences and Modernity*], 1996. I. 1. 175 p.